

rious and deep interests with entertainment, personal and social matter, assuming different kinds of activities (literature, philosophy, music). None of these activities suppressed the other. The personality of the salon master

as the private proprietor of the city house or an estate where the salon was functioning set a peculiar seal on its activity.

Key words: culture, values, philosophical, literary, musical, salon.

УДК 82-32

Серафимова В.Д.

В ПОИСКАХ КОНСТАНТ БЫТИЯ. «ЛАЗ», «ПРЕДТЕЧА», «ОТСТАВШИЙ» В. МАКАНИНА, «НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ (ХРОНИКА КОНЦА XX ВЕКА)» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ*

Аннотация: В статье на примере анализа произведений современной литературы показаны преемственность и развитие традиций русской классики: героям свойственны поиски смысла жизни, константы бытия.

Ключевые слова: преемственность, традиции, поиски смысла жизни, константы бытия.

Литературу конца XX – начала XXI в. современные литературоведы рассматривают как диалог с хаосом, абсурдом, со всех сторон обступающим человека, как диалог, целью которого является постижение алогичных законов, поиски телеологической связанности, «связи сущего» (В. Иванов), и восстановление космоса. Подчеркнем, что слово «космос» употребляется нами не в научном смысле – «пространство, простирающееся за пределами земной атмосферы» [1], а в древнем его значении – красоты, осмысленности Вселенной, как мироздания, творения, «отделения света от тьмы в день второй» (Библия. Бытие. Кн. Моисея. 1/1–10).

В осмыслении ценностных ориентиров творчества писателя мы исходим из доводов критика и литературоведа А. Бочарова: «Художественный мир может по-разному корреспондировать с процессами жизни, вбирая разные ее стороны, разные сплетения, важно лишь, чтобы он обогащал наше познание существенных сторон действительности, органично вписывался в более обширные сферы и закономерности

жизни» [2]. Для постижения всего спектра связей между личностью и действительностью в поисках констант бытия современные писатели прибегают к новому методу, выросшему на почве классического реализма и модернизма и обозначенному термином «постреализм» или «новый реализм» [3]. Генезис постреализма лежит в прозе А. Платонова, поэзии О. Мандельштама, М. Волошина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой. В их произведениях ученые вычленяют проступающие контуры нового конструктивного принципа, адекватного новой парадигме художественности: «В «Чевенгуре» и «Воронежских тетрадах», в «Поэме без героя» и «Спекторском» новая система принципов художественного освоения мира только-только начинала складываться. Но уже в них, в первых произведениях постреализма, вновь восстанавливался космос, космос из хаоса, открывающий цельность мира в его дискретности, единство и прочность – в отталкивании противоположностей, устойчивость – в самом процессе бесконечного движения. Космос, который открывался в первых произведениях постреализма, не успокаивал, но направлял сознание к пониманию происходящего и тем самым укреплял сопротивляемость человека не только казарменному единомыслию, но и духовному релятивизму» [4]. В плане поэтики реляционный подход был сформулирован Ю.М. Лотманом: «Предметом изображения являются не отдельные вещи, а система изображаемых явлений между собой и автора к их совокупности» [5].

В плане актуальности и вневремен-

* © Серафимова В.Д.

ности идей, характеристики выстраивания в анализируемых произведениях модели мира мы исходим из тезиса: «Идея художника – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности» [6]. Итак, произведения искусства слова, будучи, как мы отметили, моделью мира человеческой души и общества, сознательно формируются идейно-эстетическим заданием, презумпцией позиции, включают в себя философские, религиозные проблемы, явления, представления, являются сложнейшим феноменом культуры.

В современной русской литературе тесно переплетены две тенденции – ощущение абсурдности, несовершенства жизни, «убывания» человеческого в человеке, «усреднения» (В. Маканин) личности и вера в нравственные ценности, отрицание, по В. Маканину, «недоверия к разуму» [7], поиск путей приобщения к общечеловеческим вневременным ценностям, таким, как семья, дом, любовь, дети, земля, вода, хлеб, душа. Именно поисками путей приобщения к вековечным ценностям объясняется сопряжение, взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов в современной прозе, введение в историософию русской судьбы конца XX–начала XXI вв. христианской традиции, ориентация на архетип Апокалипсиса, на диалог с культурным пространством (А. Солженицын – «Настенька», «Абрикосовое варенье», «Ад-лиг Швенкиттен», «Желябугские Выселки»; Ю. Трифонов – «Другая жизнь», «Вера и Зойка»; В. Шукшин – «Охота жить», «Мастер»; В. Крупин – «Живая вода»; В. Белов – «Никола Милостивый»; В. Распутин – «В непогоду», «Нежданно-негаданно», «В ту же землю», цикл «Отчие пределы», «Мать Ивана, дочь Ивана»; Л. Бородин – «Третья правда», «Ловушка для Адама»; Б. Екимов – «Пресвятая Дева-Богородица», «Пастушья звезда», «Продажа»; В. Маканин – «Лаз», «Ключарев и Алимускин», «Кавказский пленный», «Предтеча»; Л. Петрушевская – «Свой круг», «Время ночь», «Новые Робинзоны (Хроника конца XX века)»; В. Токарева – «Ты есть. Я есть. Он есть» и др.).

Метафоры-символы этих писателей – «лаз», «гражданин убегающий», «человек свиты», как и шукшинский вопрос «что с нами происходит?», айтматовское понятие «манкурт», астафьевское – «последний

поклон», распутинские «ниточки с узелками», метафоры-символы Л. Петрушевской «свой круг», «новые Робинзоны» – стали художественным кодом времени, сюжетным языком, зафиксировавшим инверсию духовных ценностей и одновременно ориентацию на общечеловеческие нравственные нормы. На страницах произведений современных писателей (воспользуемся оксюмороном поэта Н. Рубцова) «образ прекрасного мира» сталкивается с образом «зловещего праздника бытия». Прозу этих авторов характеризует бесстрашие перед нелепым, искаженным, оправданное высшими целями «постижения, осмысления, преодоления, исцеления» [8]. Мрачные картины, вызванные неспособностью личности вырваться из рокового кругооборота, потеря человеком чувства радости бытия, безопорность, отрыв человека от корней, человеческая боль указывают писателям вечный для искусства подход к постижению мира с позиций «житейской нужды» людей [9].

Четко просматривается характерное для постреализма взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов, неразрывный контакт родового, природного и космического в прозе В.С. Маканина. Отношение человека к природе, к другому человеку, спрос с себя, нравственная состоятельность в выборе поступков, жизненного пути или, напротив, «убывание» человеческого в человеке, голый расчет, цинизм, приспособленчество – вот круг наиболее общих вопросов, объединяющих Маканина с другими яркими мастерами современной прозы. Основная проблематика творчества В. Маканина – «Можно ли считать, что человек – существо, пересоздающее жизнь? Меняет человек жизнь и себя? Или это существо, которое дергается туда-сюда в своих поисках потому только, что не вполне нашло свою биологическую нишу» («Лаз»). Презумпция позиции писателя – «Надо любить людей высокой любовью» («Предтеча»). В стилизованном отношении проза Маканина характеризуется усилением лирико-субъективного начала, рефлексии в тексте, использованием разнообразных форм художественной выразительности, где так легко сопрягаются, не сливаясь, реализм и условные формы изображения, тончайшие психологические нюансы и характеры, редуцированные под-

час до социального «знака», библейский сюжет и современность. Драматизм, порой трагизм сочетаются с добродушно-юмористическим тоном повествования, с гротескной заостренностью в лепке характера человека, обрисовке реалий его быта, речей, поступков.

В. Маканин – трезвый наблюдатель жизни. Его проза отразила последствия распада традиционного русского мира, глубокий конфликт времени, разлад мечты и действительности, конформизм, терзания человека, обреченного губить то, что он больше всего любит, чтобы выжить любой ценой. Многие персонажи писателя живут в уродливом мире «аварийного поселка», бараков, жизни «скопом», «валом». Они отличаются от героев «деревенской», «городской» прозы тем, что живут, не принимая, в основном, в расчет укоренившиеся традиции. Произведения писателя отличаются постановкой экзистенциальных вопросов, присущим писателю масштабом обобщений, чувствительностью к кризису, обращением к совести человека. Единство осмысления общественных и личностных процессов – «социальное человековедение» (И. Роднянская), характерное для творчества писателя, позволяет создать образ человека в стремительно меняющейся действительности.

Приобщение читателя к изображаемой картине все новых углов и лабиринтов социальной вселенной, тревожная «интуиция транзита» характерны для повести «Лаз» (1991). Повесть «Лаз» можно рассматривать как повесть-предупреждение. Она явилась откликом писателя на катастрофические сдвиги в русской жизни на рубеже 80–90-х годов, в ней дана одна из версий человеческой судьбы в условиях духовной апатии, превращения человека в «биологическую массу». В современном литературоведении эта повесть Маканина рассматривается как «художественный код времени», как «не отдельная вещица, а заключительная глава огромного пунктирного эпического романа-хроники, обьяввшего необъятное быстрое течение русского полувека от дней войны до дней свободы» [10]. Создавая концепцию человека на страницах повести, прослеживая его путь, типу «разрушителя», «человека свиты», «гражданина убегающего» писатель противопоставляет тип «созидателя», человека,

отвергающего «недоверие к разуму», пытающегося задействовать «ресурсы личности, растворенные в толпе» [11]. Маканинский герой обаятелен равнодушием к миру, к участи людей, он отзывается на все, что видит и слышит, обаятелен он своим обращением к культуре, к диалогу, к Слову: «Возобновляется их разговор о Достоевском, о нежелании счастья, основанного на несчастье других, хотя бы и в малом. Сферы духа привычно смыкаются над столиком. (...) Ключарев слышит присутствие Слова. Как рыба, вновь попавшая в воду, он оживает. Душа расправилась, затрепетала, вздохнула» [12]. Целительное воздействие Слова рассматривается в маканинской повести в свете библейской заповеди – «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (От Иоанна. Святое благовествование).

В повести «Лаз» В. Маканин использует условные формы изображения, создает условную, экспериментальную обстановку, создавая две симметричные вселенные, соединенные лишь узким проходом, лазом, (несущим явную метафорическую функцию), секрет которого знает лишь герой – сорокасемилетний «книгочей», интеллигент в «лыжной шапочке» Ключарев. В верхнем мире правит толпа, она подчинена слепому инстинкту, символизирует апокалипсического зверя, внушает страх. Толпа творит произвол, загоняет отдельного человека в стадо («Толпа затоптала парнишку»; «в толпе погибло две сотни народу»). Улицы не освещены («пустые», «вымершие»). Слышен плач ребенка. Вот какой предстает толпа в восприятии главного героя: «Лица в толпе жестки, угрюмы. Монолита нет – внутри себя толпа разная, и все это толпа, с ее непредсказуемой готовностью, с ее повышенной внушаемостью. Лица вокруг белы от гнева, от злобы. Люди теснимы, и они же – теснят». Смертельная опасность угрожает каждому, кто не с толпой, кто выделяется из массы. Герой повести Ключарев (говорящая фамилия) с риском для жизни сможет вместе с женой Олей похоронить друга Павлова. Обобщающим символом насилия над человеком, его унижения, страдания человека становится «активный вор, сидящий верхом не жертве и роющийся в ее карманах». В описании жизни наверху господствуют мрачные тона –

холод, темень, кончается вода. Люди в страхе; символом зыбкости мира становится мотив «ковчега», строительство интеллектуалами «пещер» под землей. Пещеру, вырытую Ключаревым для себя и своей семьи, обнаружат и развалят «просто назло копавшему». (Ориентация на архетип Апокалипсиса, строительство Ноева Ковчега и Вавилонской башни – «Бытие». Гл. 6, 7).

Вторая данность – нижний мир, где много света, пищи, но «маловато кислорода». Здесь тоже невозможно жить; герой с трудом через постоянно суживающийся лаз («ДЫРА СТАЛА УЖЕ»; «Как стиснулась горловина лаза»), проникает сюда, томимый духовной жаждой, «повторяя тактику переползающих препятствие червей», чтобы пообщаться с товарищами по духу, взывающими, подобно лирическому герою А. Блока («Дай нам руку в непогоду!»), к культуре. В текст повести вкрапливаются реминисценции из Достоевского, парафраз Библии, отсылки к произведениям русских писателей 19, 20 века: «Ключарев слышит присутствие Слова. (...) Они говорят искренно и с болью за человеческий (такой скромный) итог. Высокие их слова неточны и звучат не убеждая, но с надеждой, что даже приблизительность искренних слов раскроет душу (лаз в нашей душе)» (выделено мною. – В. С.). На новом витке русской литературы В. Маканин актуализирует максиму А. Платонова: «**Все возможно, и удаётся все, но главное – сеять души в людях.**»

Маканин описывает в повести множество бытовых подробностей, создающих в конкретном единстве образ времени. Это время безжалостно, прагматично, но отдельные люди, несмотря ни на что, стараются вести себя в соответствии с нормами морали, традиций, нравственности: купают ребенка, хоронят умершего, ищут общения с другими людьми, ищут пути к другому человеку. Стиль писателя становится сухим, характеризуется отсутствием патетических оценок, интонационного нажима. Герой пытается «задействовать ресурсы личности, растворенные в человеческой толпе», ищет возможность пробиться к человеческому сознанию, ищет слова, которые разделят толпу на людей, но толпа произносит лишь нечленораздельные звуки: «Звуки ударные и звуки вразяг, сливающиеся в единый скрежет и шорох: толпа». Тема сознания

в повести является доминирующей. Маканинский герой неустанно пытается «пробиться к истине человеческого сознания» (фраза А. Платонова). Символично и то, что сын Ключарева – четырнадцатилетний Дениска, горячо любимый отцом и матерью, сильный физически – отстает в умственном развитии («Они моют сына. Когда раздели, становится особенно заметно, какой сын большой. Он (...) боится воды»). Мальчик с умственным отставанием от сверстников – важный знак, перебрасывающий мысли к сквозной теме русской литературы XX века, к теме сознания, к андреевскому рассказу «Жизнь Василия Фивейского», в котором сын священника – «безумный идиот» – олицетворяет драму сознания, не оплодотворенного мыслью. Повесть «Лаз», как и повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», «Долог наш путь» (1991), как и пьеса А. Платонова «Ноев ковчег» (последнее произведение писателя, опубликовано в 1993), как и «Пирамида» (1994) Л. Леонова, как и повесть Л. Бородина «Третья правда» (1979, опубликована в 1981), обладает жанровыми признаками антиутопии. Это – повесть-предупреждение об опасности, продиктованное мыслью о спасении человечества. Конфликт в повести «Лаз» возникает там, где герой восстает против власти «толпы», олицетворяющей тотальный контроль над личностью. В творческом порыве Ключарев тщетно ищет слова, которые разделят толпу на людей.

Финал повести – открытый, обнадеживающий. Герой отвергает страшный сон как «недоверие к разуму». Во сне Ключарев, уснувший прямо на улице, шлет информацию через «суживающийся лаз» о том, что наступает темнота, просит свечи. Библейский образ свечи актуализирует духовные истины (От Матф., Гл.5, п.14,15). Но вместо свеч – «ответа душе» – Ключареву через лаз пересылают «палочки для слепых» («Когда наступит полная тьма, идти и идти, обстукивая палкой тротуары» [13]). Мотив слепых, мотивы «окликания», «молчания», «беззвучия» и «голосов», появившиеся в повести «Утрата», – важные смыслообразующие в мелодике прозы Маканина. В маканиноведении будет верно отмечено: «В ритмизованном художественном поле произведений Маканина есть высота и глубина мирового пространства: лейтмотивы – небо, звезды, вода, земля, свет, мрак. Это

все пространство работает в едином ритме с миром космоса. Все, что разрушает гармонию, ломает ритм, создает диссонансы, становится объектом эстетического наблюдения писателя, так как он – творец диссоциирующих голосов. Диссонансы занимают писателя как строительные элементы хаоса, распада, дисгармонии в мире антиутопий» [14]. Маканинский герой хочет быть услышанным, понятным, устами героя автор отвергает вторую версию, вынесенную в проблематике повести. Человек – не «существо, которое дергается туда-сюда в своих поисках» потому только, что не вполне нашло свою «биологическую нишу». Ключарев пытается изменить жизнь к лучшему, внести доброту и внимание к человеку в мир. Сон в оценке Ключарева, когда он проснется, «ужасный... и несправедливый в своем недоверии к разуму» [15].

Обобщенным символом утверждения человеческого в человеке является встреча Ключарева с «**Добрый человек в сумерках**». («Он и разбудил Ключарева, этот прохожий. Средних лет, с довольно длинными волосами, свободно падающими почти до плеч»). Многозначен диалог Доброго человека с Ключаревым: « – Вставайте, – повторяет он так же утвердительно, со спокойной и терпеливой улыбкой. (...) Рука теплая, прикосновение, которое остается с Ключаревым и после. Ключарев встает. – Да, – говорит он, потягиваясь. – Как стемнело. – **Но еще не ночь**, – говорит тот человек, опять же с мягкой улыбкой, которую Ключарев не столько видит, сколько угадывает в полутьме» [16] (выделено мною. – В. С.). Облик «Доброго человека» напоминает облик Иисуса Христа, «белое домино», каким он предстает на страницах романа А. Белого «Петербург». В процитированном фрагменте обнаруживается и самоцитирование: «заросший, с седыми космами, с огромным нательным крестом человек», попавшийся «в тот день на пути» артельщикам, уприсит в повести «Отставший» «злого» Федяича, мечтавшего заработать деньги на «необыкновенной глыбе малахита», не прогонять Лешку-маленького, «чуявшего золото в одиночку», ищущего «свою тропу» [17].

Метафорический язык В. Маканина несет емкую смысловую нагрузку. Оценивая вклад Маканина в современную литературу, профессор С.И. Тимина отметит влияние его прозы на формирование принципиально

значимых особенностей литературной эволюции: «Разнообразие маканинских сюжетов и картин, вся его поэтическая система направлены на разработку символики предупреждения (...) Опираясь богатым спектром формальных приемов, в том числе усвоив стилиевые уроки постмодернизма, В. Маканин не оказывается в плену формальной новизны как таковой. Его тексты являют собой емкую, развертываемую в жизненном пространстве метафору. Форма становится самим содержанием. Интертекстуальность, мотивность и другие главные «герои» постмодернизма в поэтике Маканина всего лишь опорные точки, осуществляющие ритм движения внутри глобального метафорического пространства» [18].

Взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов, контакт родового, природного и космического, характерные для прозы В. Маканина, четко просматриваются и в рассказе Л.С. Петрушевской «**Новые Робинзоны (Хроника конца XX века)**» (1989). Новая парадигма художественности, которая выстраивается в этом рассказе, как и в рассказе «**Свой круг**», в цикле «**В садах других возможностей**», состоит в моделировании мира как полилога современных и архаических культур. В традициях русской классической и мировой литературы отношением к ребенку, отношением к Слову и Делу судит Л.С. Петрушевская о нравственном состоянии общества (Ф. Достоевский, Д. Дефо, Л. Толстой, А. Платонов, Дж. Оруэлл, В. Распутин). Преимствуя платоновскую ориентацию на архетип Апокалипсиса, его внимание в пространстве всего творчества к библейскому образу ковчега, Петрушевская, как и Маканин, создает свою версию Апокалипсиса конца XX века [19]. Городское семейство вживается в деревенский быт, сооружает в глухом лесу землянку, чтобы жить впредь. Отец семейства уподобляется библейскому Ною, который укрылся от разрушительной стихии вместе со своей семьей, сумев остаться праведным и непорочным «среди великого развращения людей на земле», построив по совету Бога ковчег и «взяв всякой твари по паре, мужского пола и женского» (Бытие, Глава 6). В рассказе Л. Петрушевской «Ноев ковчег...» создается аналогичная моделированию мира ситуация. Безработица, безденежье, конфликты вынуждают бывшего

геолога покинуть город и поселиться в глухой, заброшенной деревне, в которой царят нищета и бесчеловечность. Отчаянные усилия предпринимает семья – отец, мать и дочь, от лица которой и ведется повествование, чтобы выжить, спасти при этом детей, – девочку, оставшуюся с пьяницей бабушкой, после того, как мать-наркоманка повесилась, и мальчика, грудного ребенка, подброшенного на порог их дома. На их попечение оказывается и никому не нужная пожилая деревенская женщина, которая ищет помощи у добрых людей.

В текст Петрушевской вкрапливаются и литературные реминисценции. Подобно тому, как герой Даниэля Дефо Робинзон Крузо на необитаемом острове пытался выжить, отец семейства в рассказе Петрушевской пытается «изобрести какую-то штуку», сколачивает по рисунку соху, копает огород, растит пшеницу. Семья все дальше забирается в глубь леса, строит, как и герои Маканина в повести «Лаз», «запасные дома», сначала на поверхности земли, потом и под землей (по Библии – ковчег).

В рассказе постоянно присутствует мотив бега – сквозной мотив русской литературы, при этом этот мотив, разворачивающийся в сюжете произведений, высвечивает и образы «разрушителей» (Булгаков – «Бег», Маканин – «Гражданин убегающий», Распутин – «Пожар»), и образы «созидателей», как это происходит в рассказах Петрушевской. «Бежать и бежать», – часто повторяет отец девочки, так как «тунеядцы», не вложившие ни капли труда, чтобы «взрастить зерна», грабят и уничтожают все, что посеяли и вырастили «новые Робинзоны». Финал рассказа, несмотря на весь трагизм происходящего, не носит безысходный характер. Жизнеутверждающий посыл вносят в текст размышления юной героини: «Мы живем, ждем, и там, мы знаем, кто-то живет и ждет, пока мы взрастим наши зерна и вырастет хлеб, и картофель, и новые козлята, – вот тогда они и придут. И заберут все, в том числе и меня. (...) Но нам до этого еще жить и жить. **И потом, мы ведь тоже не дремлем. Мы с отцом осваиваем новое жилище**» [20] (выделено. – В. С.). Финал рассказа – прямой парафраз Библии – «Впредь во все дни земли сеяние и жатва не прекратятся» (Бытие, глава 8, пункт 22). Автор показывает путь из сложившегося тупика – надежда на «сеятелей», на «сози-

дателей», на «осваивающих жилище».

В проанализированных произведениях выстраивается концепция человека-демиурга, создателя, способного к «самоосуществлению» и «смыслоосуществлению» (В. Франкл). Главный тезис В. Франкла – «Человеком движет не страх перед небытием, а стремление к реализации ценностей и смыслов, самоосуществление; (...) Смыслоосуществление обуславливает способность человека изменяться и тем самым выводит его из роли жертвы обстоятельств, люди трансцендируют себя в направлении смыслов» [21]. «Человек только тогда фигурирует как элемент порядка, когда он сам находится в состоянии максимального напряжения всех сил» [22], – подчеркнут ученые-литературоведы.

В прозе Петрушевской, как и в повести «Лаз», как и в романе «Предтеча» В. Маканина, где герой задается вопросом «**Как жить?**» [23], осмысление социальных процессов вступает в неразрывный контакт с исследованием родового, космического, с проблемами «вселенского человека». Герой романа «Предтеча» – «человек предметья», «серединный человек», завоевывающий для себя жизненное пространство (строительство собственными руками ремонтника дома, заключение – «разворовывал стройматериалы»), – на склоне лет поймет истину: «**Я учу людей любить друг друга. Любовь, если ее растишь, делает тебя счастливым. Люди лишь временно растерялись и растлились, но скоро они поймут, как надо любить друг друга и все живое в мире, другого пути у людей нет**» [24] (выделено мною. – В. С.).

Устами своего героя говорит сам писатель, преисполняя и развивая в новых условиях философу А. Платонову – «Необходимо понять все, (...) либо ничего нового не случится и каждый житель отойдет жить отдельно, бережно согревая в себе страшный тайник души, чтобы опять со сладострастным отчаянием впиться друг в друга и превратить земную поверхность в одинокую пустыню с последним плачущим человеком» [25].

Якушкин, герой маканинского романа «Предтеча», ищет нравственную норму, которая могла бы стать точкой отсчета – «Я учу людей любить друг друга». Не случайно и то, что присутствующий в творчестве писателя емкий, иносказательный мотив

«черной горы» («Гражданин убегающий», «Где сходилась небо с холмами») в романе «Предтеча» перерастает в мотив «белой горы». Перед смертью герой, «впавший в экстаз», видит «белую гору» [26].

Итак, ценностные центры в произведениях современных авторов, обозначенные нами в статье, позволяют говорить о жизнеустроительной функции их прозы, о преемственности и развитии традиций русской литературы. Понятие «традиция», обозначает, как обосновывается нами, не только как факт преемственности, не только в континуальном аспекте, но и в новаторстве писателя, включающего в свою творческую программу креативную деятельность человека, систему ценностных ориентиров, аксиологию. Современных писателей – В. Маканина и Л. Петрушевскую – объединяет чувство причастности к устройству счастья человека, гуманная мысль о невозможности свободы без ответственной нравственной связи с миром, с людьми.

Современная литература, как нами было прослежено на материале анализируемых произведений, не порывает с конкретным измерением человеческой судьбы в поисках смысла жизни, констант бытия, ответственности личности за свой выбор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Словарь иностранных слов. – М., 1992. – С. 315.
2. Бочаров А. В пользу глубины // Новый мир. – 1984. – С. 241.
3. См. работы: Лейдерман Н.Л. Теоретические проблемы русской литературы XX века // Русская литература XX века. Вып. 1. – Екатеринбург, 1992.; Каменский К.А. Новый реализм? Возможно ли? // Литературная газета, 1991. 7 августа; Лейдерман Наум, Липовецкий Марк. Между хаосом и космосом // Новый мир, 1991, №7.; Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993, №7.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993, №7. – С. 239.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1964. – С. 36.
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб., 1996. – С. 46, 47.
7. Маканин В. Лаз // Новый мир, 1991, №5. – С. 133.

8. Роднянская И. Незнакомые знакомцы // Новый мир, 1986, №8. – С. 232.
9. Платонов А. Афродита // Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М.А. Платоновой; Вступ. статья С.Г. Семеновской; Биохроника, комментарий Н.В. Корниенко. – М., 1995. – С. 495.
10. Марченко А. Гексагональная решетка для мистера Букера // Новый мир. 1993. №9. – С. 238.)
11. Маканин В. Лаз // Новый мир, 1991, №5. – С. 130.
12. Там же. – С. 130.
13. Маканин В. Лаз. – С. 135.
14. Дмитриченко Е.В. Ритм прозы Маканина // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы / Под ред. С.И. Тиминой. – М., 2002. – С. 557.
15. Маканин В. Лаз. – С. 133.
16. Там же. – С. 133.
17. Маканин В. Отставший // Маканин В. Долог наш путь. Повести. – М., 1999. – С. 87,88.
18. Русская литература XX века. Школы. Направления, Методы творческой работы / Под редакцией С.И. Тиминой. – М., 2002. – С. 250.
19. О внимании А. Платонова к библейскому образу ковчега см.: Малыгина Н.М. Повороты американского сюжета Андрея Платонова. Неизвестный источник пьесы Андрея Платонова «Ноев ковчег» // Октябрь, 1999. – С. 168-175.
20. Петрушевская Л. Новые Робинзоны (Хроника конца XX века) // Новый мир, 1989, №8. – С. 172.
21. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 292.
22. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993. № 7. – С. 242.
23. Маканин В. Предтеча // Маканин В. Избранное. – М., 1987. – С. 542.
24. Маканин В. Предтеча. – С. 514.
25. Платонов А. Счастливая Москва // Новый мир, 1993. №9. – С. 39.
26. Маканин В. Предтеча. – С. 524.

V. Seraphimova

In the search for constants of reality. «Trapdoor», «Forerunner», «Left behind» by V. Makanina, «The new Robinzons» by L. Petrushevskaya

Abstract: On example of analysis of modern literature the paper shows the continuity and development of Russian classical literature: the characters search for meaning in life, constants of reality.

Key words: continuity, tradition, search for meaning in life, constants of reality.